

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**ВЫБЕРИ СЕБЕ
СМЕРТЬ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Выбери себе смерть / Чингиз Абдуллаев. — Москва :
Эксмо, 2018. — 256 с. — (Абдуллаев. Мастер криминаль-
ных тайн).

ISBN 978-5-04-097479-5

Казалось бы, какая связь между бесследным исчезновением сына вора в законе и планомерной ликвидацией сотрудников сверхсекретного отдела бывшего КГБ? Оказывается, оба преступления стали результатом одной запутанной истории. Первое дело расследует знаменитый эксперт-криминалист Дронго, другое ведет подполковник госбезопасности Колчин. Двигаясь в разных направлениях, сыщики тем не менее неуклонно сближаются. И, вероятно, столкнутся в одной точке – если, конечно, им не помешает смерть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097479-5

© Абдуллаев Ч.А., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2018

Не оскверняйте земли, на которой вы будете жить;
ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается
от пролитой на ней крови, как кровию пролившего ее.

Четвертая книга Моисея.

Числа, 35:33.

Глава 1

Он сидел на скамейке, по-стариковски уронив руки, и терпеливо ждал. Ему были неинтересны эти звонкие детские голоса вокруг, суета спешащих куда-то людей, урчание машин и скрежет тормозов. Он не замечал изумительного весеннего утра, когда солнце только пытается согреть окружающий мир. Он сидел один, словно отрезанный ото всего мира, пребывая в том самом состоянии, в котором находятся практически все люди, когда они не пытаются что-то изобразить или кем-то притвориться.

Все было ясно. В этом мире он был уже лишний. Он не понимал и не принимал происходивших вокруг перемен. Сначала отменили его партию. Просто утром один президент предложил это сделать другому. И партию закрыли, как закрывают какое-то учреждение по борьбе с крысами, когда угроза миновала. Это был страшный удар. Представить себе жизнь вне партии он не мог. Это было хуже самоубийства, ибо с потерей партии он терял основной нравственный стержень — тот самый, на котором держались все его убеждения и ценности.

Затем, через несколько месяцев, прекратил свое существование Советский Союз. Уже подготовленный к этому событиями последних дней, он плакал всю ночь, не понимая, как теперь будет жить. Прекратила существование та самая страна, во имя которой он, собственно, и жил. Во имя этой великой страны он трижды был ранен, еще несколько раз был на волосок от смерти, но костлявая щадила его, словно зная, что в конце жизни он тысячекратно пожалеет о своем везении. Во имя этой страны он отдал все: свою семью, распавшуюся в результате его многочисленных командировок, своих друзей, не понимавших его фанатизма и целеустремленности, свою любовь, когда он отказался от женитьбы на Нине, уже зная, что его ждет командировка в Аргентину. Он отдал этой стране все: свою жизнь, свою молодость, даже свои мысли. И теперь этой страны больше не было. Даже когда в семьдесят пятом его избивали в Кёльне фашиствующие молодчики, когда он попытался вступить за женщину, боль была не такой страшной. Там была драка, и, даже когда его свалили пятеро, была надежда. Даже когда ему переломали ребра, была надежда. Даже когда он потерял сознание, была надежда. Надежда на то, что все это кончится. Теперь не оставалось ничего. Не было никакой надежды, а это оказалось самым страшным в его жизни.

Он не стал вступать в новые, наспех сколачиваемые партии коммунистов, его не прельщали идеологи нового рабочего и большевистского движения. В душе у него растоптали костер, огонь которого поддерживал его все эти годы, и уже не оставалось никаких иллюзий.

Когда два месяца назад он впервые встретился с этим обожженным полковником, он уже тогда все

понял и рассчитал. Шансов не было никаких, и только поэтому он согласился работать. И удача, и неудача одинаково гарантировали верную смерть, ибо носителей таких секретов в живых не оставляют ни при каких обстоятельствах. Он это прекрасно знал, ибо умел просчитывать варианты. Оставалось покорно плыть по течению. Два месяца напряженной работы, когда приходилось вспоминать десятки имен, названий улиц, городов теперь уже независимых стран. Два месяца работы, во время которой боль и ненависть чуть остыли, продолжая терзать душу где-то глубоко внутри. Как настоящий профессионал, он представлял, для чего «они» затеяли все это. И радовался. Эта была первая радость, которую он испытывал после развала СССР и КПСС, это была нечаянная радость, словно судьба решила подарить ему напоследок ту самую надежду, от отсутствия которой он так страдал.

Теперь все было кончено. Из него выжали все, что могли. Теперь оставалось только умереть. Он не знал, где это произойдет и каким образом. Но он не боялся. Более того, даже мечтал о мученической смерти, словно это могло послужить еще большему оправданию «их» действий.

Свидание в парке ему назначили еще вчера. После пятидневного молчания. Очевидно, там, на высшем уровне, принималось решение о его судьбе. Наверное, вспомнили и его награды, и его заслуги. Долго колебались. Он усмехнулся: это было так на них похоже. Каждый раз, убирая своего человека, они долго и нудно доказывали друг другу необходимость этого тяжелого решения. Он однажды видел, как, стыдливо пряча друг от друга глаза, они принимали решение. Речь шла тог-

да о ликвидации Вали, его самого близкого и, пожалуй, единственного друга. Ликвидацию поручили ему, как наиболее доверенному лицу предполагаемой жертвы. В этом было что-то изуверское: исполнение всегда поручали самым близким людям жертвы, словно еще раз проверяя их на крови ближнего. Ему было трудно, очень трудно. Но он знал, что машина запущена и остановить ее невозможно. Если он не сумеет ликвидировать агента, то следующий за ним по пятам еще один убийца уберет их обоих. Альтернативы в таких вопросах не бывало никогда. Он все сделал тогда чисто. Валя пошел купаться, а он подсыпал ему в стакан того самого белого порошка, после которого любой патологоанатом с уверенностью констатировал смерть от сердечного приступа. Валя, вернувшийся из ванной, тогда как-то странно посмотрел на него, словно догадываясь о его истинной роли. Но ничего не сказал, даже если догадывался. Валя был настоящим профессионалом. Просто взял стакан, чуть помедлил и, посмотрев другу в глаза, громко сказал: «Твое здоровье». Выпил все, до последнего глотка...

На похороны он не пошел. Это было нарушением правил, но, кажется, его поняли и милостиво извинили. Хотя наверняка где-то в его личном деле психолог сделал отметку о некоторой психологической или психической неуравновешенности. Ибо в традициях их учреждения обязательным было присутствие на похоронах своего лучшего друга, убитого по твоему приказу или твоими руками. Это была самая омерзительная традиция, но она была, и ей полагалось следовать неукоснительно.

На дорожке, ведущей к его скамейке, показался тот самый полковник. Сегодня он выглядел хуже обычного. Ему еще не было пятидесяти, и его еще, очевид-

но, мучает совесть. Он вздохнул: работа есть работа, и лишние эмоции здесь ни к чему. Полковник подошел к нему, сел на скамью, не здороваясь, закурил.

— Что-нибудь случилось? — ласково спросил он у полковника. — Мы не виделись уже столько дней.

— Да, — отрывисто сказал полковник, — просто мы уже закончили работу.

— Я знаю, — кивнул старик, — это была славная работа.

— Да. — Полковник выдохнул сигаретный дым, словно собираясь сказать что-то важное. Как перед прыжком в воду.

— Не волнуйтесь, — вдруг мягко сказал старик, — я все знаю.

— Что? — немного испугался полковник. — Что вы знаете?

— Вернее, понимаю. Это ваша работа, и не нужно столько эмоций. Вы просто привыкли ко мне за последние дни. А у профессионалов не бывает друзей — только партнеры и враги. Больше никого.

— Вы знаете, зачем я пришел?

— Конечно. Иначе для чего вы меня вызывали? Я сорок лет провел на этой работе. Я пришел в наше учреждение тогда, когда вас еще не было на свете. И, уверяю вас, за эти годы я кое-чему научился. Все это суэта. Итак, как вы меня будете убивать?

Полковник вздрогнул, посмотрев на старика как на сумасшедшего.

— С чего вы решили? — заикаясь, спросил он.

— Догадываюсь. Мавр сделал свое дело... — Он посмотрел на свои руки. — Вот этими руками, полковник, я убил столько людей, сколько вам лет. И самого луч-

шего друга тоже убил. Нет, я не чудовище, я профессиональный убийца. Просто работа есть работа, и ее нужно выполнять аккуратно и профессионально. Таким было мое правило на протяжении всей жизни. Это в последние десять-пятнадцать лет все вы размякли и стали добренькими, а при мне такого быть не могло.

— Они приняли решение, — тихо произнес полковник. — Мы советовались с психоаналитиками.

— Понимаю. Они подсказали вам мой психотип. Конечно, я совсем забыл. Вам нужно было узнать, буду ли я сопротивляться или постараюсь избежать с вами встречи. Хотя по тем молодым людям, сидящим в «БМВ», я понимаю, что избежать с вами встречи было невозможно. Я прав?

Полковник кивнул, уже не пытаясь что-либо ответить.

Он достал из кармана небольшой пакетик, передал его старику. Тот был немного разочарован.

— Белый порошок, — сказал он мрачно. — Впрочем, все правильно. От чего еще я могу умереть, если не от сердечного приступа. В моем-то возрасте. Этого я не учел.

— Простите, что не учли? Я не понял, — спросил его полковник.

— Нет, ничего. Это я по-стариковски просто думаю вслух. Спасибо вам.

— За что? — изумился полковник. В его взгляде было невольное уважение к этому смертнику, так красиво державшемуся.

— За все. За мою жизнь, за мою работу. Вы наполнили мои последние дни смыслом, подарили уже окончательно рухнувшую надежду, заставили вспомнить молодость. Что может быть лучше этого?

Старик тяжело встал.

— Не провожайте меня. И уберите ваших церберов. Они мне ни к чему. Я не собираюсь скрываться.

— Мы знаем, — кивнул полковник.

— Прощайте. — Старик повернулся, тяжело зашагал по дорожке.

Полковник долго смотрел ему вслед. В конце аллеи трое молодых ребят, расположившись со своими скрипками, играли вальс Штрауса. Старик подошел к ним ближе, выгребая все деньги из кармана.

— Что сыграть, дедуня? — спросил его один из подростков.

— Гимн Советского Союза, — попросил старик.

Ребята переглянулись, пожали плечами, заулыбались.

— Давай Гимн.

Полковник смотрел, как выпрямивший спину старик слушал Гимн последний раз в своей жизни.

Он еще раз отметил, как мужественно держится этот старик. И невольно подумал, сумеет ли он сам так достойно уйти. Ответ на этот вопрос он получил уже через два часа в подъезде своего дома. Его застрелили пятью выстрелами в упор, не дав даже осознать происходящего. Его психоаналитики советовали сделать это быстро и без лишних разговоров. Что и было сделано.

Глава 2

Невыносимо болела голова. С раннего утра у него было плохое настроение. Сначала пришло сообщение о провале Беркута. Они возлагали такие большие на-

дежды на этого агента. Затем неудача в Минске, когда посланный туда «ликвидатор» выпустил в жертву пять патронов, но агент, вопреки любой логике, остался жив. Правда, это была вина и «ликвидатора»: по правилам, он должен был сделать контрольный выстрел в голову или в сердце, но, видимо, увидев залитое кровью лицо жертвы, успокоился. А тому пуля просто поцарапала кожу. Теперь предстоял неприятный разговор с самим директором Службы внешней разведки. Тот никогда не прощал подобных неудач.

Генерал Лукошин работал в разведке уже тридцать лет и хорошо знал степень допустимых провалов, после которых руководителя нужно либо менять, либо убирать. Сегодня, вызвав одного из самых лучших агентов в истории своей службы, он надеялся поправить положение. Дверь бесшумно открылась, и на пороге возник секретарь, молодой капитан, лет тридцати.

- Прибыл по вашему указанию полковник Рокотов.
- Пусть войдет.

Полковнику было уже много лет, очень много. Он начинал еще в те времена, когда название их учреждения вызывало панический страх, ибо всевластие органов было безграничным. Пять лет назад ушедший на пенсию полковник продолжал оставаться негласным советником службы, иногда давая исключительно ценные советы. Правда, справедливости ради стоило признать, что иногда он совершенно не учитывал реалии сегодняшней жизни и просто предлагал фантастические проекты, за решение которых никто не взялся бы в середине девяностых годов.

— Как вы себя чувствуете, Матвей Николаевич? — серьезно спросил генерал.

— Сейчас лучше, спасибо. Так, сердце немного побаливало.

— В вашем возрасте вы выглядите великолепно. — Немного лирики генерал еще мог себе позволить. — Дай бог и мне дожить до вашего.

— Это не всегда счастье, — махнул рукой старик.

— Да, — серьезно подтвердил генерал, — понимаю.

Он помолчал немного и уже затем начал:

— У нас проблемы, дорогой Матвей Николаевич.

Старик кивнул головой.

— Я уже догадался, — спокойно ответил он.

— В Минске наш «ликвидатор» не сумел нормально выполнить задание. Он только ранил намеченный объект, и тот сейчас в больнице. Мы предполагаем, что он выживет. А если выживет, то может заговорить. Нам пока не хотелось бы принимать никаких экстренных мер: все-таки Белоруссия не Литва и не Польша. Но и сидеть сложа руки мы не имеем права. Повторная попытка ликвидации может вызвать к объекту повышенный интерес, а нам очень хотелось бы избежать ненужной огласки. Вы понимаете?

— Что с «ликвидатором»? — спросил, подняв тяжелые глаза, Матвей Николаевич.

— Он отозван в резерв, — немного смущенно пояснил генерал.

— Ах, мать вашу! — разозлился старик. — Его нужно было кончать еще там, в Минске. Такие вещи нельзя прощать. Это его профессия, и он с ней не справляется. Значит, профессионально негодный мусор. А что делают с мусором? — жестко спросил он. — Отправляют на переработку, — зло добавил старик. — А вы еще говорите: проблемы.